

М. Л. Лавренченко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

marialavrenchenko@gmail.com

ДВА ИСТОЧНИКА КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В работе рассматривается характер изложения информации из двух киевских источников в статьях Киевской летописи за 1130-е и за период со второй половины 1140-х до начала 1150-х годов (по Ипатьевскому и близким спискам). Многие исследователи прояснили характер общих фрагментов Киевской и Суздальской летописей, сделав целый ряд предположений о специфике их источника, в то время как происхождение оригинальных частей Киевской летописи трактовалось по-разному. В записях этого памятника за период с 1130-х по начало 1150-х гг. можно встретить парные описания одного и того же события, зафиксированные разными книжниками, имевшими очень близкие географически и политически точки зрения, но ставившие свои акценты при изложении событий. Текст Киевской летописи нередко содержит обе версии, тогда как в Суздальской присутствует только одна из них. Два памятника могут расходиться в деталях, но, как правило, в целом не противоречат друг другу. Состав политических коалиций и объяснение тех или иных происшествий также порой отображены по-разному, но эта разница никогда не показывает принципиально другой ход развития событий. Это свидетельствует о том, что сводчик конца XII века, оформлявший текст Киевского свода, имел в распоряжении записи из двух источников, которые пополнялись на юге Руси в течение XII века, вероятно, в Киеве. Следуя за К. Н. Бестужевым-Рюминым, я обозначаю их как «краткий» и «подробный» в соответствии со спецификой подачи материала.

Ключевые слова: средневековая Русь, летописные практики, Киевская летопись, Ипатьевская летопись, летописание.

Вопрос о том, насколько точно дошедший до наших дней текст сохраняет информацию о своем создании, получил новый виток обсуждения в последних работах по текстологии Киевской летописи. Среди них можно выделить как труды, направленные на поиск этапов ее написания, совпадающих с активностью отдельных летописцев [Юрьева 2021], так и работы, поднимающие вопросы о том, как компилировались общие известия Киевской и Суздальской летописей

(ЛИ¹) с другими сообщениями этих летописей [Вилкул 2005, 2019, Юрьева 2022, Гимон 2022, Ставиский 2025]. В этой работе я предпринимаю попытку определить характер несохранившихся источников, которые были использованы при создании Киевской летописи. Такая постановка вопроса имеет долгую историю рассмотрения. Исследуя круг интересов, специфическую лексику, характерные языковые приемы, исследователи выделяли в разных частях Киевской летописи руку летописца, лояльного конкретному правителю или династии, определяли светский или церковный характер отдельных известий, городской или княжеский центр историописания [Бестужев-Рюмин 1868: 72–144, Хрущов 1878: 142–165, Лихачев 1947: 176–179, Рыбаков 1963: 301–345, Франчук 1986 и др.]. Однако наблюдения над политическими и географическими интересами авторов летописи без введения жестких критериев, необходимых для сравнения, часто страдают субъективизмом². Кроме того, ученые отмечали, что дошедший до сегодняшнего дня текст Киевской летописи — дефектный, со множеством утрат [Приселков 1996: 84], обрывов повествования и повторов изложения, осложняющих исследование. Фокусируясь в данной статье именно на этих повторах, а также разночтениях Киевской и Суздальской летописей при описании событий XII века, я стремлюсь прояснить разницу в паттерне изложения стандартных ситуаций (маневров, битв, переговоров) и степени детализации описания событий двумя источниками, вошедшими в Киевскую летопись, в том числе выявить наличие княжеских диалогов, точность топонимов, драматичность или фактографичность повествования, направленность внимания книжника на взаимодействие исторических лиц между собой или же на достигнутые результаты. Несмотря на то, что заявленные аспекты деятельности летописца трудно отнести к объективным показателям, пофразное сравнение отмеченных ранее разночтений и повторов изложения позволяет выявить специфику двух предполагаемых мной источников. Большинство приведенных ниже фрагментов Киевской и Суздальской летописей многократно привлекались исследователями последних лет для сравнительного анализа, однако новое обращение к ним представляется осмысленным для демонстрации первоначальной цельности оригинального подробного источника Киевской летописи (несмотря на то, что в общий свод конца XII — начала XIII века он вошел фрагментарно) и выявления отличий в подаче материала летописцем ЛИ и автором этого «второго» источника.

«Киевская летопись» — название, утвердившееся в историографии за центральной частью Ипатьевской летописи, повествующей о событиях с 1118 (6626)

¹ Обозначение «ЛИ» для текста, общего для Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, а также общего источника, к которому этот текст восходит, стало общеупотребительным после ряда работ Т. Л. Вилкул [Вилкул 2005; 2019].

² Разработка таких критериев была проведена Т. В. Гимоном в трудах, посвященных Лаврентьевской летописи, где ученый представил список тематических рубрик сообщений памятника, по которым можно провести сопоставление отдельных его частей между собой и при помощи математических подсчетов выявить части, созданные отдельными писцами [Гимон 2012, Guimon 2015, Guimon 2021], что методологически дает более точный результат.

по 1200 (6708) год (1198/9 год искусственно разделен на три погодные статьи, доводящие свод до 1200 года). Вслед за И. С. Юрьевой³ я называю «Суздальской летописью» текст Лаврентьевской летописи, следующий за Повестью временных лет и охватывающий те же события XII века, что и Киевская летопись, а также более поздние. Такое название отражает взгляд книжника с учетом политических и географических особенностей Суздальской земли, где летопись находилась с 1160-х годов⁴. Для обозначения тех же текстов я также использую термины «Ипатьевская летопись» и «Лаврентьевская летопись», где это необходимо при цитировании трудов исследователей.

С самого начала изучения летописных памятников ученые делали предположения о том, из каких источников сложены дошедшие до наших дней своды, и текст Киевской летописи за середину XII века является одним из наиболее обсуждаемых. Решение большинства текстологических вопросов затрудняет ограниченное число сохранившихся летописей, с которыми можно провести сравнение, и их нахождение в составе более поздних сводов. Значительная часть споров касается первоначальности или вторичности чтений текста ЛИ в Киевской и Суздальской летописях, а также характера редакторских правок. Каждая из выстроенных исследователями гипотез поднимает дополнительные темы, например, вопрос о том, какие задачи стояли перед книжниками и какие трудности им приходилось преодолевать. Что заставило сводчика конца XII — начала XIII века, оформившего текст Киевской летописи, сбиваться, описывать одно и то же событие дважды или опускать значительную часть событий, словно теряя нить повествования? Недостаток информации или, наоборот, ее избыток, сложность выбора из нескольких близких версий? Почему он не пытался сгладить шероховатости компиляции? Говоря о том, как этот сводчик препарировал имеющиеся в своем распоряжении тексты, Т. Л. Вилкул выделяет два основных способа соединения ЛИ с другими источниками: (1) перекомпоновка готовых известий и (2) значительная переработка, включающая «синтез ЛИ и новых текстов» [Вилкул 2019: 265]. Последний характерен для второй половины 1140-х — начала 1150-х и характеризуется значительным расширением текста и неизбежными при такой масштабной работе ошибками [Там же: 266]. Существенно, что исследовательница говорит не только об амплификациях текста ЛИ, но прежде всего — о соединении нескольких источников, из которых общий с Лаврентьевской летописью брался за основу: «для Ипат. наряду с коррекцией характерны значительное расширение текста, компоновка и перекомпоновка *различных по происхождению источников*» [Вилкул 2005: 75–76, выделение курсивом мое. — М. Л.] по «канве или основе», которую

---

³ Название «Суздальский свод», «Суздальский источник» утвердилось уже в работах К. Н. Бестужева-Рюмина [Бестужев-Рюмин 1868: 86–89 и далее].

⁴ Существенный минус использования этого термина заключается в том, что, в отличие от Киевского свода, в тексте Лаврентьевской и близких летописей трудно выделить четко выраженный конец собственно Суздальской летописи. Однако для сравнения событий первой половины — середины XII века использование такого обозначения представляется удобным и оправданным.

«составляла ЛИ» [Там же: 75]⁵. К. П. Костомарова, исследуя виды прямой речи в Киевской летописи, обратила внимание на то, что они отличаются большим разнообразием именно в записях 1140-х – 1150-х годов, где содержатся реплики-рассуждения, отсутствующие в Лаврентьевской летописи, то есть именно на этом участке текста Киевской летописи в наибольшей мере проявляются ее уникальные черты [Костомарова 2025]. Таким образом, в записях 1140-х – 1150-х гг. книжник более активно привлекал общий источник — ЛИ, но столь же интенсивно пользовался и другим ресурсом.

Сколь бы ни были различны взгляды исследователей на историю формирования Киевской летописи, мало кто сомневался в существовании вошедшего в ее состав обширного киевского источника, не ограниченного текстом, общим с Суздальской летописью. Этот летописный источник пополнялся на юге Руси в течение XII века и показывает перспективу исторических событий именно из этой географической области. А. Н. Насонов⁶ предполагал возможность восстановления этого киевского текста: «Сравнение с Лаврентьевской летописью приобретает выдающийся интерес не только для изучающих переяславский свод, но и для тех, кто будет работать по восстановлению первоначальной редакции киевского летописного текста и черниговского летописания» [Насонов 1969: 91]. Наличие «дополнительных (к ЛИ. — М. Л.) источников летописного характера», в том числе «краткие записи времен киевского княжения Ростислава Мстиславича» отмечала и Т. Л. Вилкул [Вилкул 2019: 257, 266]. В. Ю. Аристов выделял две линии киевского летописания XII века, нашедшие отражение в Киевской летописи: анналистическую и нарративную [Аристов 2011: 131–132]. О «дополнительном источнике» Киевской летописи пишет и И. С. Юрьева, объясняя включением его в Киевскую летопись некоторые повторяющиеся известия [Юрьева 2022: 12]. Исследовательница не отказалась от идеи нескольких локальных летописных традиций XII века [Юрьева 2021: 306; Юрьева 2022: 6], фрагменты которых прослеживаются в составе Киевской летописи, но рассмотрела памятник как целостное произведение, написанное поступательно и поэтапно, с выраженными хронологическими границами. Т. В. Гимон также рассматривает основу Киевской летописи как целостное произведение, основной массив которого создавался из года в год на протяжении XII века: «При том что КС⁷ — это компилятивный памятник рубежа XII–XIII вв. <...>, достаточно очевидно, на наш взгляд, что в его основе лежит киевская летопись, ведшаяся на протяжении XII в.» [Гимон, Тишин 2020: 271].

⁵ Это расширение, согласно Т. Л. Вилкул, было сделано в конце XII века с использованием нескольких дополнительных групп записей, включая черниговские и новгородские [Вилкул 2019: 266], украшенных фантазией самого сводчика с использованием литературных образцов [Вилкул 2005: 78–80, Вилкул 2019: 266–267].

⁶ Исследователь объяснял общий текст Лаврентьевской и Ипатьевской летописей тем, что каждая из них использовала два источника: киевский и переяславский — в разном объеме. О переяславском происхождении известий Лаврентьевской летописи и дальнейшем формировании этой летописи см. [Гимон 2022; 2024].

⁷ Киевский свод.

Дублирующиеся известия Киевской летописи можно объяснить двумя способами: обращением сводчика к разным источникам и происходившими в реальности повторными действиями героев летописи, например, если того требовал ритуал, в том числе дипломатический церемониал. Иногда механическая ошибка книжника очевидна, например, Вячеслав дважды одобряет призыв Владимира Володаревича к примирению (КЛ: 142г/143а; ПСРЛ 2: 392–393⁸); перед битвой на реке Руте дважды говорится о том, что действия начинаются в пятницу утром [Вилкул 2005: 50–51], (КЛ: 157в/г; ПСРЛ 2: 435–436); Всеволод Ольгович дважды отправляется в поход на Владимира Володаревича [Юрьева 2021: 325] (КЛ: 16в; ПСРЛ 2: 314–315). Однако в тексте Киевской летописи неоднократно встречается и схожее описание двух разных ситуаций, что может ошибочно рассматриваться исследователями как дублирование известий, маркирующее смену переписчика [Юрьева 2021: 325–326]. Так, ритуал именованного «отцом» и «сыном» между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем (КЛ: 1456, 1526; ПСРЛ 2: 399–400, 419–420) был, по всей видимости, проведен в два этапа: один подразумевал скрепление союзнических, другой — личных отношений (более подробно см. в [Лавренченко 2021; 2022]). Мирное посредничество Гезы II в конфликте Изяслава Мстиславича и Владимира Володаревича также подразумевало повтор условий соглашения сначала медиатором (предварительно), затем — самим киевским князем (окончательно) [Там же]. В статье 6662 (1154) года также дважды упоминается об отправлении посольств к этому галицкому князю, что связано с тем, что Мстислав Изяславич остановил первое из них, демонстрируя свое несогласие с самой возможностью мирных переговоров в сложившихся условиях (КЛ: 163а/б; ПСРЛ 2: 452–544) [Там же]. Повторные посольства в целом нередки в домонгольский период, особенно от новгородцев — ср. НПЛ 54, и описания этих дипломатических миссий также могут выглядеть как повтор одного события. Так, например, в статье Киевской летописи за 6648 (1141) год новгородцы дважды отправляют посольство к Всеволоду Ольговичу: одно из них состояло из «лѣпшихъ» (наиболее известных и авторитетных) новгородских бояр, которые сопровождали прибывшего в Новгород человека Всеволода, Ивана Воитишича, а второе возглавил сам новгородский епископ (ПСРЛ 1: 308, КЛ: 113г–114а; ПСРЛ 2: 307–308). Хотя известия, вероятно, действительно взяты из двух разных источников [Вилкул 2019: 243], детали и характер посольств отличаются, и это подтверждает, что оба они произошли в реальности. Некоторые из повторов Киевской летописи могут быть как следствием дублирования известий, так и особенностью повествования: например, в статье 6656 (1148) года дважды

⁸ Для удобства читателей здесь и далее вводится адресация по двум широко используемым изданиям Киевской летописи: КЛ — Киевская летопись в издании, подготовленном И. С. Юрьевой, и ПСРЛ 2 — Ипатьевская летопись, изданная во 2-м томе Полного собрания русских летописей. Суздальская летопись цитируется по первому тому Полного собрания русских летописей (ПСРЛ 1). Новгородская Первая летопись (НПЛ) приводится по изданию А. Н. Насонова. При цитировании источника указываются листы рукописи (для КЛ), столбцы издания (для ПСРЛ), страницы издания (для НПЛ).

говорится о том, что Изяслав Мстиславич отправился в Чернигов (КЛ: 132а, б; ПСРЛ 2: 360–361).

Те случаи, когда повтор автором Киевской летописи одних и тех же событий не вызывает сомнений, заставляют предположить, что у сводчика было два текста, описывающих одни и те же происшествия, и он, подчиняясь хронологическому принципу изложения по годам, переписал сначала текст, относящийся к определенному событию, из одного источника, затем — из другого, что и стало причиной дублирования сообщений. Такая тактика компоновки готовых известий стала возможной, так как оба протографа написаны в схожей политической тональности, а летописные центры были близки географически, иначе чересполосица не позволила бы создать целостное произведение, ведь следующие друг за другом строки диссонировали бы друг с другом.

Впервые такое объяснение повторяющихся известий Киевской летописи особенностями работы сводчика, объединявшего два источника, предложил К. Н. Бестужев-Рюмин при интерпретации описания подготовки участников к битве на реке Руте 1151 г.; затем оно было дополнено Т. Л. Вилкул [Вилкул 2005: 50–51]. Повествование в этом месте Суздальской летописи цельное, краткое, лишенное противоречий, в то время как в Киевской летописи отмечается повтор: два раза упоминается о том, что действие начинается утром в пятницу: сначала летописец пишет: «**свитающе же пятку**, исполчивъ Изяславъ всѣ...»⁹ (КЛ: 157в; ПСРЛ 2: 435; здесь и далее выделение полужирным мое. — *М. Л.*), — затем он сообщает о густом тумане, который стоял полдня, а когда рассеялся, стали видны вражеские войска, рассказывает о первых стычках и передвижениях, но затем возвращается к исходной точке повествования о битве — утром в пятницу войска выстраиваются в боевой порядок: «**утрии же днь в пятницу, яко зорѣ** почаша ся заимати... полци же начаша dospѣвати», — и далее сообщает дополнительные подробности, придающие драматизм описанию, — приближая его к кинематографическому сценарию: в обоих военных лагерях начали бить в бубны и трубить в трубы: «переже въ Дюргя въ бубны в полку и въ трубы вѣструбиша, полци же начаша dospѣвати, такоже у Вячьслава и у Изяслава и у Ростислава почаша бити въ бубны и въ трубы трубити» (КЛ: 157г; ПСРЛ 2: 435–436), Суздальская летопись содержит только первый вариант начала рассказа о битве: «**свитающе же пятку**, исполчивъ...» (ПСРЛ 1: 333).

Очевидно, существовало два близких текста, и составитель Киевской летописи сначала записал введение к рассказу о битве по одному из них, а затем — по другому. Обращает на себя внимание, что оба источника содержат одни и те же детали: день недели, время дня, действия войск — но фразеология различна. К. Н. Бестужев-Рюмин обобщил результат сравнения этих двух летописей следующим образом: «следственно, у составителя свода было два источника: краткий, одинаковый с тем, который был в руках составителя свода Суздальского, — отсюда и дословность их

⁹ В приведенных летописных цитатах восточнославянская орфография передается упрощенно, но с сохранением буквы «ѣ», титла раскрываются, заглавные буквы употребляются в соответствии с правилами современного русского языка, пунктуация приближена к современной.

рассказа во многих местах, — и подробный, т. е. всего вероятнее предположенное нами отдельное сказание о Изяславе» [Бестужев-Рюмин 1868: 98]. В таких словах он, по сути, предвосхищал разделение текста памятника на ЛИ и уникальный киевский источник, соединение которых и привело к упомянутому дублированию известий. Хотя исследователь представлял Киевскую летопись в виде коллекции сообщений очень большого количества локальных летописей, при комментировании записей, повествующих о конфликте середины XII века, он сужает круг источников до двух, тексты которых чередуются в повествовании (а также добавляются черниговские вставки). Термины «краткий» и «подробный»¹⁰ применительно к данной ситуации описывают не объем несохранившихся источников в сравнительном масштабе, а лаконичность и сухой характер повествовательного стиля одного и любовь к деталям, драматичность изображения событий другого. «Краткий» источник в большинстве ситуаций совпадает с фрагментами ЛИ, выделенными Т. Л. Вилкул [Вилкул 2005; 2019: 232–267], под «подробным» К. Н. Бестужев-Рюмин подразумевал «Сказание о Изяславе Мстиславиче», текст которого Т. Л. Вилкул (например, в сопоставительных таблицах [Вилкул 2019: 245, 257 и др.]) чаще всего обозначает как «дополнительные блоки». С моей точки зрения, термины «краткий источник» и «подробный источник» удачно отражают характеристики несохранившихся сочинений, вошедших в Киевскую летопись, и используются в данной работе далее при анализе других фрагментов памятника.

В описании движения войск к месту битвы на реке Руте 1151 года и Суздальская, и Киевская летописи следуют одному паттерну повествования: они обе рассказывают о приближении Юрия Владимировича с союзниками к Днепру, о хитрости Изяслава с лодками, однако детали незначительно отличаются. Так, в Киевской летописи говорится: «и поиде Гюрги къ Киеву, и **сташа в Родунии**» (КЛ: 153в; ПСРЛ 2: 423), в Суздальской — «**противу Киеву по лугови**» (ПСРЛ 1: 331). Есть различия и в перечнях лиц, участвовавших в тех или иных операциях [Бестужев-Рюмин 1868: 96, Вилкул 2005: 47–48]. Например, в Киевской летописи Юрий советуется с союзниками и половцами, а затем переправляются сыновья Юрия, половцы и Святослав Всеволодич: «Гюрги, сгадавъ с Володимеромъ съ Давыдовичемъ, и съ Святославомъ Ольговичемъ, и съ Всеволодичемъ Святославомъ, и с половци, и хотящимъ внизъ поити къ Витчевьскому броду, тако улюбиша то вси. Гюрги же пусти сына своя с половци, а Володимеръ Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ пустиста Всеволодича Святослава, а сами ту сташа, исполчившеся полкы своими» (КЛ: 154а; ПСРЛ 2: 424).

Согласно Суздальской летописи, Ольговичи советуются с половцами, и переправляются только Ольговичи: «Ольговичемъ же здумавшимъ с половци, оставивше Гюргя князя с Давыдовичемъ с Володимеромъ и с товары противу Витчеву,

---

¹⁰ Внешне схожая с предложенной в статье классификация известий на «краткие» и «полные» неоднократно применялась исследователями при объяснении дублирующихся известий Ипатьевской летописи (и в сравнении с изложением событий в Лаврентьевской летописи), хотя и подвергалась критике [Вилкул 2005: 21–25, с историографией]; однако при таком делении во внимание принимался именно объем сообщений, а не степень детализации.

а сами ѡхаша к Зарубу» (ПСРЛ 1: 331). Эти незначительные отличия снова демонстрируют наличие двух близких версий событий, одна из которых была взята при создании Суздальской летописи, другая — Киевской летописи, составитель которой не стал приводить оба источника, чтобы избежать буквальных повторов, как в предыдущем случае. Оба рассказа зафиксировали информацию в близких географических и политических условиях. Объясняя этот отрывок, К. Н. Бестужев-Рюмин вновь предполагает наличие у Киевской летописи двух источников: «Едва ли такое различие можно считать простым вариантом при переписке; не указывает ли оно на существование двух источников, из которых одним дополнено повествование первоначального источника, общего обоим сводам, из которых, как мы уже заметили, ни один не служит основанием для другого» [Бестужев-Рюмин 1868: 96–97]. Как отмечает исследователь, один из источников характеризуется краткостью изложения событий, другой более склонен распространяться и упоминать детали: он описывает места и передает слова действующих лиц, написан сторонником Изяслава Мстиславича [Там же].

Т. Л. Вилкул, рассмотрев тридцать семь фрагментов, общих для Суздальской и Киевской летописей, в своих исследованиях, отметила концентрацию параллельных чтений в статьях, повествующих о событиях 1130-х годов [Вилкул 2005: 33–35]. Так, в обеих летописях говорится о походе сыновей Владимира Мономаха: Ярополка, Андрея, Юрия на Чернигов, а также о том, что Всеволод Ольгович не принял бой, и тогда братья вернулись:

«В то же лѣто про то заратишася Олговичи с Володимеричи, и идоша Ярополкъ, Гюрги, Андрѣи к Чернигову на Олговичѣ. И **сташа, не дошедше города**, и стояше (!) нѣколько дньи, и воротишася опять **мѣсяця ноября...**» (ПСРЛ 1: 303).

«И про то заратишася Олговичи. Иде Ярополкъ съ братьею своею, и Юрьи, и Андрѣи на Всеволода на Олговича и **поймаша** около города Чернигова **села**. **Всеволодъ же не изиде** противу биться и еще бо бяху **половци не пришли** к нему. Ярополкъ же постоя нѣколко дньи у Чернигова, и възратися в Киевъ, и **распусти вои**, а со Всеволодомъ никакаже (!) владивься, ни мира с нимъ створивъ» (КЛ: 1106/в; ПСРЛ 2: 295–296).

Можно видеть, что при общем введении: «заратишася Олговичи» и нескольких тождественных фрагментах, ни одна из описанных версий развития конфликта не восходит к другой, при этом обе раскрывают события с позиций Ярополка. «Краткий» источник Суздальской летописи упрощает обозначения сторон: «Ольговичи», «Володимеричи», «подробный» источник Киевской летописи более детализирован и отмечает причинно-следственные связи. При этом каждый из текстов содержит уникальную информацию, отсутствующую в другом: в тексте Суздальской летописи говорится о том, где Ярополк встал лагерем и когда ушел, в Киевской — почему Всеволод не вышел воевать, а также что после возвращения Ярополк отпустил часть войска. Автор текста ждет перемирия, но оно не случается. Ни одна из летописных версий не противоречит другой, обе дополняют друг друга, информация

обоих источников получена от свидетелей, смотревших на события с одной политической позиции.

То же самое обнаруживается в дальнейшем повествовании: Суздальская летопись перечисляет населенные пункты, разоренные войском Всеволода Ольговича: «взяша Городокъ, и **Нѣжатины**¹¹, и **село** (Р., А.¹² села) пожгоша, и **Баручь** пожгоша» (ПСРЛ 1: 303) — Киевская летопись их обобщает, но подробно показывает траекторию продвижения войска: «и поидоша, воуюче **села** и **города** Переяславской власти и **люди съкуще**, доже и до Киева придоша и Городецъ зажгоша» (КЛ: 110б, ПСРЛ 2: 296). Она раскрывает причину происходящего: люди не могли спастись от разорения, так как по Днепру шли льдины; поэтому и Ярополк Владимирович не мог переправиться им на помощь: «люди емлюще, а другыя съкуще, нѣ утагшимъ перевестиса имъ: нѣлзѣ бо бяше перевестиса крами. И плениша же и скота бесчисленное множество. Ярополку бо бяше нѣлзѣ перевестиса крами¹³ съ своими» (КЛ: 110в, ПСРЛ 2: 296). Такие подробности отсутствуют в Суздальской летописи. Далее Киевская летопись рассказывает о том, что войско стояло три дня под Городцом и вернулось в Чернигов, о чем молчит Суздальская, но при этом упоминает захват пленных — вновь оба рассказа раскрывают различные детали, по существу не противореча друг другу. Уже здесь в Киевской летописи проявляется любовь к диалогам: процитировано послание Всеволода Ольговича и его родственников к Ярополку. Новое возвращение к общему осевому протографу, источнику, общему для Киевской и Суздальской летописей, отмечено исследователями: «Тое же зимы Ярополкъ согна воѣ кыевскыя, а Гюрги переяславцѣ» (ПСРЛ 1: 303) и «Тоѣ же зимы совкупи¹⁴ вои кыевскыи, а Дюрди¹⁵ переяславчи» (КЛ: 110в; ПСРЛ 2: 297). На протяжении нескольких этапов дальнейшего повествования обе летописи рассказывают об одних и тех же событиях, хотя в благожелательно настроенной к Новгороду Киевской отсутствует похвала ростовцам, одержавшим победу над новгородцами в Битве у Жданой горы 1135 года: «и воротишася ростовци с побѣдою великою» (ПСРЛ 1: 303). В Киевской летописи участники битвы со стороны Северо-Востока — суздальцы (КЛ: 111в, ПСРЛ 2: 300). Однако данные правки могли быть внесены в Суздальскую летопись позже, а не свидетельствовать о происхождении текстов из разных источников.

К. Н. Бестужев-Рюмин, Т. Л. Вилкул, И. С. Юрьева и Т. В. Гимон подробно останавливались на том, что один и тот же князь — Василько, сын Марицы Владимировны — упоминается в статье Киевской летописи за 6644 (1136) год при описании битвы на реке Супой сначала как «Леоновичъ цесаревичъ», по его отцу,

¹¹ Или же: «Городокъ (и) Нѣжатины».

¹² Здесь и далее так обозначены Радзивилловский и Академический списки летописи.

¹³ Повтор «перевестиса крами» объясняется тем, что это условие останавливало равно и беженцев, и Ярополка с войском, и не связан с работой переписчика.

¹⁴ Как отметила Т. Л. Вилкул, имя Ярополка было убрано, вероятно, по ошибке [Вилкул 2005: 34].

¹⁵ Возможно, специфика передачи имен одной из летописей отражает летописную практику диктовки самому себе.

Лже-Диогену, а затем — как «Маричич» или «Маричиниць», по матери (ПСРЛ 1: 304; КЛ: 111а; ПСРЛ 2: 298) [Бестужев-Рюмин 1868: 73–75, Вилкул 2005: 34, Гимон 2022: 157, Юрьева 2022: 12]. Исследователи не сомневаются, что эти фразы взяты из разных источников. Однако разница сообщений о смерти царевича заключается не только в наименовании по отцу/матери.

В Суздальской летописи сообщение о смерти княжича стоит в логически обусловленном месте — в конце перечня захваченных в битве, подводившем ее итоги: «И внукъ Володимерь Василко Маричиниць убьень бысть ту» (ПСРЛ 1: 304). Краткий, сухой пересказ хода битвы логически заканчивается перечнем плененных и погибших в ее результате. В Киевской летописи это сообщение также находится в завершающем пассаже, однако выглядит искусственной вставкой в подробный рассказ о пленении бояр Ольговичами при помощи захвата стяга: «и тако изымаша ѿ держаще стягъ Ярополчъ, яша боярь много: Давыда Ярославича¹⁶, тысяцскаго, и Станислава Доброго Тудьковича, и прочихъ мужии, **и внукъ Володимерь Василко Маричичъ убьень бысть ту**, многы бо бяше бояре киевскіи изоимали» (КЛ: 111а; ПСРЛ 2: 298).

Похожая фраза, но с отчеством Василька, находится в Киевской летописи ранее, в середине описания самой битвы, еще до того, как дружину Ярополка захватили в плен обманом: «**Тогда же Василка Леоновичъ чревичъ** (с двумя исправлениями; в Х.¹⁷ «цесаревич». — М. Л.) **убьень бысть...**», далее следует описание интенсивности самого боя: «и бысть брань люта, и мнози отъ обоихъ падаху» (Там же). Здесь сообщение о смерти царевича также может быть уместно, если предположить, что книжник указывает точный момент его гибели со слов информанта. Такое стремление уточнить хронологические детали характерно именно для автора «подробного» источника, не вошедшего в Суздальскую летопись («Сказание о Изяславе Мстиславиче», по К. Н. Бестужеву-Рюмину). В таком случае можно согласиться с историками, утверждающими, что фразы взяты из разных источников. Однако нельзя исключать и того, что составитель Киевской летописи два раза выписал текст из одного источника, так как фразы, сообщающие о смерти царевича, близки, если не тождественны¹⁸. Причиной такой ошибки также могло стать обращение то к одному, то к другому протографу.

На различные объяснения причин одних и тех же исторических событий в Киевской и Суздальской летописях указывали многие ученые. Так, например, в тексте за 6657 (1149) год Киевской летописи показаны две различные причины отвода войск иностранных помощников Изяслава Мстиславича, что заинтересовало еще К. Н. Бестужева-Рюмина [Бестужев-Рюмин 1868: 91, Вилкул 2005: 42]. Согласно Суздальской летописи, приглашенное на помощь Изяславу Мстиславичу венгерское и польское войско уходит, так как союзники испугались и придумали отговорку для

¹⁶ По Суздальской летописи — Яруновича (ПСРЛ 1: 304).

¹⁷ Здесь и далее так обозначается Хлебниковский список летописи.

¹⁸ Изменить именование по матери на именование по отцу мог переписчик, посчитав его более правильным (ср. [Гиппиус 2005]).

отхода, потому что в Пересопницу к Вячеславу пришли племянники князя Ростислав и Андрей и другие участники коалиции: «и придоша к Вячеславу в Пересопницу Гюргевича два, Ростиславъ и Андрѣи, и помочь Володимиркова, и самъ Володимерко приступиль бяше ближе к Шюмьску; **и убояшася ляхове и угри**, рекоша ко Изяславу: “Не вси ся есмы совкупили нынѣ, а бы ны како створити мирь!” Они же, то извѣтъ положыше, воротишася опять» (ПСРЛ 1: 323). В статье Киевской летописи за 6657 (1149) год присутствует тот же самый рассказ, однако вместо лаконичного окончания, включающего сведения о отговорке и возвращении, представленного выше, он содержит повторное описание ситуации, но значительно более детализированное. После фрагмента, общего с Суздальской летописью: «убояшася ляхове и угре...» — в Киевской летописи идет повествование о передвижениях князей, логически продолжающее сообщение о приходе Ростислава, Андрея и «помощи Владимирка»: в Пересопницу приходит сам Юрий, об этом узнает Изяслав, продвигается вперед и ставит новый лагерь, далее книжник еще раз сообщает о том, что иностранные правители предпочли отказаться от битвы и решить дело примирением, но причина показана уже другая: «в то же веремя приде вѣсть Болеславу, брату его Индрихови от брата Межъскы, **оже идуть пруси на землю ихъ**. Болеславъ же Индрихъ повѣдаста Изяславу. Изяславу же бысть велми не любо». И далее подробно, со всеми диалогами и отправлениями посольств раскрывается сам процесс примирения Изяслава и Юрия при посредничестве иностранных правителей (КЛ: 141а; ПСРЛ 2: 387–388).

Очевидно, что составитель Киевской летописи сначала переписал текст источника, общего с Суздальской летописью (ЛИ по Т. Л. Вилкул, «краткого» по К. Н. Бестужеву-Рюмину), но затем обратился к повествованию более полного, уникального для Киевской летописи «подробного» источника, переписал и его, поэтому в его тексте оказалось два объяснения того, почему польские правители захотели мириться, причем второй эпизод разрывает логику повествования первого. Можно ли видеть признаки той или иной политической лояльности¹⁹ в подобной комбинации фрагментов, ведь убрано сообщение о срочном отступлении перед Юрием? Мне представляется, что нет, так как в Киевской летописи признание потенциальной опасности для лагеря Изяслава при появлении сыновей Юрия все же присутствует. Ни «краткий», ни «подробный» источник нельзя уличить в излишнем восхвалении Изяслава Мстиславича, ни один из них не демонстрирует и выраженной благожелательности к Юрию. Несомненно, что, в отличие от «краткого» источника, в «подробном» выражен большой интерес к деталям соглашений и переговоров, особенно — к посредничеству иностранных правителей и их внутренним делам. Как результат, оба текста, использованные автором Киевского свода, показывают ситуацию с одинаковых политических позиций, однако «краткий» фокусируется на канве событий и фиксирует результат, «подробный» же углубляется

¹⁹ Отмечая разницу в описании одних и тех же событий начала 1150-х в Киевской летописи, ученые нередко предполагают здесь соединение двух источников, лояльных разным политическим лидерам [Вилкул 2019: 247, с историографией].

в детали политических процедур. Можно ли предположить, что «краткая» версия, приведенная в Суздальской летописи, создана сводчиком на основании «подробной» — повторного рассказа, представленного в Киевской летописи? Нет, так как в последней показана другая причина отъезда иностранных союзников, причем со значительными подробностями.

В дальнейшем повествовании Суздальская и Киевская летописи описывают одни и те же события, опираясь на общий «краткий» источник — ЛИ, однако в изображении некоторых незначительных деталей они расходятся. Так, обе летописи говорят о попытках заключить мирное соглашение между Юрием и Изяславом и отмечают, что существенную роль в отказе от перемирия сыграли советы Юрия Ярославича Юрию Владимировичу (ПСРЛ 1: 323; КЛ: 1416; ПСРЛ 2: 388). Однако сам процесс переговоров показан по-разному. Киевская летопись сообщает, что Вячеслав, Юрий и Изяслав договаривались, «случе межю собою», далее раскрывается, что критический пункт спора князей — новгородская дань, которую забрал Юрий Владимирович. Изяслав требовал вернуться к прежним порядкам, когда она шла Новгороду: «Изяславъ же **хотяше всихъ дани** к Новгороду новгородьцкыхъ, акоже есть и переже было» (Там же), версия Суздальской летописи подчеркивает посредническую роль Вячеслава, которого автор ставит в противовес Юрию Ярославичу: «Вячеславу же нудящю брата на миръ, и не послуша его, но **примь свѣтника Гюргя Ярославича...**» (ПСРЛ 1: 323). Цельность этой фразы указывает на ее первоначальность, как отметила Т. Л. Вилкул: «...в Лавр. стандартное описание совета: не послушал одного советника и послушал другого» [Вилкул 2005: 43]. Следовательно, составитель Киевской летописи взял эпизод из «краткого» источника и дополнил сообщением о главной проблеме конфликта — новгородской дани, взятым из «подробного» источника, разрушив целостность первоначального высказывания, а советы Юрия Ярославича связываются с отказом от возвращения новгородцам их дани: «Дюрги приемъ свѣтника Дюргя Ярославича и не да дани» (КЛ: 1416; ПСРЛ 2: 388). Оба использованных книжником текста рассказывали о событиях с позиции киевского князя, но канва повествования и акценты незначительно различались: «краткий» источник, общий с Суздальской летописью (ЛИ), показывал динамику конфликта: один советник мирит, другой пытается рассорить; уникальный для Киевской летописи «подробный» источник отмечал конкретные детали: в нем указан главный прецедент конфликта — новгородская дань, которую забрал Юрий. Ее упоминание было нежелательным в Суздальской летописи еще и потому, что демонстрировало тесный союз Киева с Новгородом.

Одним из наиболее выразительных различий «краткого» и «подробного» реконструируемых источников является отмеченное Т. Л. Вилкул регулярное добавление имен Вячеслава и Ростислава к имени Изяслава в Киевской летописи. Исследовательница (а вслед за ней Ф. Мушар) объяснила это искусственно сконструированными вставками сводчика конца XII века, прославлявшего династическую линию Рюрика Ростиславича и акцентировавшего важность роли Ростислава Мстиславича в событиях середины XII века [Вилкул 2005: 48–49; Вилкул 2019: 267; Мушар 2011: 144–145]. Эти вкрапления особенно заметны при описании

событий начала 1150-х годов в Киевской летописи при сохранении в нескольких местах, опирающихся на «краткий» источник, имени одного только Изяслава [Вилкул 2005: 48–49]. Наиболее показательным выглядит продолжающий рассказ о походе Изяслава вдоль Днепра в статье 6659 (1151) года текст, построенный в обеих летописях вокруг одной исходной фразы. Согласно Киевской летописи, «Вячьславъ же и Изяславъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ, и съ Изяславомъ Давыдовичемъ, и съ Ярославомъ братомъ своимъ, и с городеньскимъ княземъ, и съ дружиною своею, и с кияны, и с черными клобуки и тако угадавше, поидоша по сеи странѣ Днѣпра по горѣ, а лодѣ его по Днѣпру» (КЛ: 153г; ПСРЛ 2: 424). В Суздальской летописи та же фраза, очевидно, взятая из общего «краткого» источника, содержит только имя Изяслава: «Изяславъ идяше по онои²⁰ сторонѣ Днѣпра по горѣ, а лодѣ его по Днѣпру» (ПСРЛ 1: 331). Очевидно, «краткий» текст, отразившийся

---

²⁰ Многие исследователи (см. [Вилкул 2010: 115–134, с историографией]) отмечали разницу локализации вооруженных отрядов Изяслава Мстиславича относительно реки Днепр в продолжении этой фразы. По Киевской летописи, Изяслав со своими союзниками двигался, поджидая Юрия, «по **сеи странѣ** Днѣпра по горѣ» (КЛ 153г; ПСРЛ 2: 424), однако если верить Суздальской летописи, то они шли по «**оной сторонѣ** Днѣпра» (ПСРЛ 1: 331). Очевидно, что один из редакторов изменил обозначение берега реки, содержащееся в первоначальном источнике. А. Н. Насонов считал это различие важным свидетельством того, что источник Киевской летописи об этом событии был написан на левобережье Днепра — в Переяславле, потому что для автора из этого города киевская сторона и была «оной» [Насонов 1969: 94–95, Вилкул 2005: 46]. Можно предположить, что тот сводчик Киевского свода конца XII в., который дополнил коалицию Изяслава Мстиславича именами союзников, заменил и исходный «северо-восточный» вариант обозначения правой стороны Днепра с «оной» на «сию», то есть киевскую, свою. Таким образом, вариант Киевской летописи вторичен, ведь логичнее предположить дополнительную правку там, где она очевидна строкой выше.

Однако нельзя согласиться с мнением А. Н. Насонова о том, что обозначение «оная сторона» Днепра указывает на местоположение книжника. Если мы обратимся к окружающему эту фразу контексту, то увидим стремление как авторов первоначальных текстов, так и сводчика максимально четко показать траекторию передвижения обоих войск и дать читателю представление о их местоположении относительно друг друга. Учитывая эту цель, очевидно, что обозначение «оная сторона» в Суздальской летописи используется, чтобы показать, что Изяслав находился **по другую сторону** реки **относительно Юрия** [СДРЯ 6: 130–132]. Эта внутренняя логика четче прослеживается в Суздальской летописи, целостно сохранившей «краткий» источник: «полци же Гюргеви идяхуть по лугу, а Изяславъ идяше по онои сторонѣ Днѣпра по горѣ» 'Изяслав двигался параллельно продвижению войск Юрия по другой стороне', а местоположение книжника тут ни при чем. Текст же Киевской летописи разбит вставкой, разделивший указание местоположения Изяслава относительно Юрия списком союзников киевского князя из «подробного» источника, и смысл продолжения фразы оказался потерян.

Стремление авторов точно зафиксировать маневры князей показаны в Киевской летописи и далее в рассказе о продвижении войск по берегам Днепра, здесь часто используется слово «оний» применительно к действиям войск Изяслава и Юрия относительно друг друга, в том числе в составе фразеологизма: «имахуть они онихъ, а они онѣхъ», «нѣлзѣ бы ни онѣмъ на сю сторону, ни симъ на ону», в целом автор регулярно напоминает читателю, что продвижение войск проходило по двум берегам Днепра, и указывает остановки (КЛ 153г; ПСРЛ 2: 424–425). Таким образом, термин «оная сторона» в рассматриваемом эпизоде довольно часто используется для обозначения положения войск Изяслава и Юрия относительно друг друга, а не книжника.

в Суздальской летописи, упоминал только одного Изяслава (продолжая повествование, книжник пишет: «лодьъ его»), что было выявлено Т. Л. Вилкул [Вилкул 2005: 48–49]. Он был использован в тексте Киевской летописи в качестве основы и расширен вставкой, перечисляющей союзников Изяслава из «подробного» источника, автора которого интересовали не только действия лидеров коалиций, но и их состав и внутренние отношения между участниками.

Обе летописи содержат историю о трагическом ранении Изяслава Мстиславича на поле боя и о том, как затем его чуть не добились его собственные воины — киевляне. Создатель «подробного» текста, представленного только в Киевской летописи, передает событие в кинематографически ярких диалогах, в то время как Суздальская летопись следует «краткому» варианту, сухо пересказывающему события в нескольких фразах, завершая их подведением итогов. Но именно последний источник сообщает читателю, как именно был ранен князь: «Изяслава же Мстиславича **язвиша в руку и свергли и бяхуть с коня**, и хотѣша и убити свои пѣшци, не знающе его» (ПСРЛ 1: 334). Эти сведения находятся в перечне итогов битвы для ее участников: Владимир Давыдович был убит, Андрей Юрьевич уцелел, показав чудеса доблести в бою²¹.

«Подробный» источник не говорит читателю о том, что произошло с князем в сражении, и сразу показывает Изяслава раненым, очевидно, уже после основного столкновения: «Якоже снидошася полци и коньници, пѣшии, Изяславъ же лежаше ранень и тако възхопися...» (КЛ: 158в; ПСРЛ 2: 439). Очевидно, на этом отрезке работы сводчик не стал использовать «краткий» текст, читающийся по Суздальской летописи. При этом он подробно приводит состоявшийся между Изяславом и киевлянами диалог, а также рассказывает о торжественном перенесении князя с молитвами: «Изяславъ же рече: “Князь есмь!” И единъ от нихъ рече: “А такъ ны еси и надобѣ!” — и вынза мечъ свои и нача и сѣчи по шелому. Бѣ же на шеломѣ надъ челомѣ Пянтелѣмонъ златъ, и удари и мечемъ, и тако вшибеся шеломѣ до лба. Изяславъ же рече: “Азь Изяславъ есмь, князь вашъ!” — и сня съ себе шеломъ, и позна и. И то слышавше мнози и възхытиша и руками своими с радостью яко цѣсаря и князя своего, и тако възваша: “Кирелѣсанъ!” — вси полци, радующеся полкы ратныхъ побѣдивше, а князя своего живого ведяче» (КЛ: 158в/г; ПСРЛ 2: 439). Далее говорится о том, что князь, превозмогая боль от ран, поехал к телу убитого в битве Владимира Давыдовича, который ранее был его союзником.

Может ли фраза, читающаяся по Суздальской летописи, быть кратким обобщением, выжимкой из подробного рассказа, читающегося выше? Очевидно нет, так как она находится на своем месте в пассаже, завершающем рассказ о битве, подводящем ее итог, а также содержит уникальную информацию: князь был ранен в руку и упал с коня. Стиль повествования сухой, книжник склонен излагать события в виде простого перечисления фактов. Однако завершение фразы: «И хотѣша и убити свои пѣшци, не знающе его, но сня с себе шеломъ, и познаша и»

²¹ По аналогичной схеме ход сражения изображается в Новгородской первой летописи: основные события и перечень убитых или раненых (НПЛ 23, 57, 77 и др.).

(ПСРЛ 1: 334), — кратко повторяет информацию, содержащуюся в Киевской летописи. Таким образом, источники обеих летописей рассказывают об одних и тех же событиях очень близко, разнятся лишь в небольших деталях, при этом каждый из них следует собственному паттерну повествования со своими смысловыми акцентами и спецификой изложения: «краткий источник» описывает основные происшествия и результат, «подробный» драматизирует и раскрывает отношения князя и киевлян в диалогах. Вследствие того, что «краткий» летописец иногда дополняется значительными пластами «подробного» текста, внутренняя логика Киевской летописи оказывается нарушена, а часть информации (о самом ранении и падении с коня) утрачена.

Еще один эпизод, демонстрирующий разницу подходов двух книжников, можно видеть в рассказе о начале противостояния, когда Изяслав Мстиславич совершил поход в Северо-Восточную Русь и разграбил поселения по Волге, способствовавшие изоляции союзного киевскому князю Новгорода. Здесь обе летописи также сходятся в описании сути событий, но расходятся в деталях [Вилкул 2009: 218–220]. Так, в Суздальской летописи говорится о том, что «**похромоша кони** у нихъ, и самъ (Изяслав Мстиславич. — М. Л.) с новгородци дошедь Волгы и повоевавъ ю и не успѣ ничтоже Гюргеви, и дошедь **Углича поля**, поворотися» (ПСРЛ 1: 320). Киевская летопись гораздо более подробно описывает поход, однако не упоминает мор среди коней Изяслава. Согласно этой версии, князь достиг не Углича, а Ярославля: «повоевавше русь отъ **Ярславля** (!), и полонъ многъ принесоша, и много зла земли тои створиша» (КЛ: 135в; ПСРЛ 2: 371). И если отсутствие информации о болезни лошадей можно было бы объяснить лояльностью автора Изяславу (чтобы это событие не сочли Божьим наказанием), то путаница в том, какого города достиг военный поход, скорее всего связана со слабым знакомством информанта из южной Руси с северной топонимикой. Автор Суздальской летописи опирался на «краткий» источник, отличавшийся лаконизмом: он перечислил основные факты о походе и его исход, из исторических персонажей упомянул только глав коалиций — Юрия Владимировича и Изяслава Мстиславича. В Киевской летописи нашел отражение «подробный» источник, который отражает интерес прежде всего к внутренним отношениям участников коалиции Изяслава Мстиславича и особое внимание уделяет его взаимодействию с Новгородом.

Продолжая наблюдение Т. Л. Вилкул о том, что в «дополнительных к ЛИ блоках» Киевской летописи (то есть в «подробном» источнике согласно нашему объяснению) автор упоминал трех наиболее политически активных князей коалиции Изяслава Мстиславича, а в ЛИ, «кратком», — только ее главу Изяслава, можно увидеть и другие принципиальные различия во внутренней логике повествования этих двух источников Киевской летописи.

Акцент «краткого» источника сделан на самом противостоянии Изяслава Мстиславича с Юрием Владимировичем и Ольговичами, причем последние чаще всего фигурируют именно под таким, вероятно, враждебно окрашенным обобщением. «Подробный» источник, читающийся только по Киевской летописи, фокусируется на взаимодействии персонажей внутри коалиции Изяслава Мстиславича,

поэтому здесь так подробно показаны его отношения с Ростиславом, а также взаимодействие Изяслава с дядей Вячеславом Владимировичем, особый обряд, который был между ними проведен в несколько этапов, столь же многоступенчатые соглашения с Гезой II и другими союзниками, вплоть до совсем редко фигурирующего в летописях XII века городецкого князя Бориса Всеволодича. Т. Л. Вилкул объяснила добавления имени Ростислава к имени Изяслава в событиях середины XII века искусственным выделением отношений двух братьев в конце XII века автором Киевского свода, который приукрасил роль смоленского князя при помощи обширных вставок [Вилкул 2005: 49; Вилкул 2019: 265–267]). Однако вряд ли все перипетии отношений упомянутых исторических лиц могли быть полностью вымышлены в конце XII века, так как, например, Вячеслав Владимирович не имел прямых потомков, действовавших в этот период. С трудом можно также предположить наличие особого политического заказа подчеркнуть важность отношений Изяслава с Гезой II и другими географически отдаленными правителями. При чтении летописных сообщений очевидно, что автора интересовали не столько контакты как таковые, сколько их дипломатическое оформление: крестоцелования, посольские поездки и др. Таким образом, представляется более вероятным, что дополнительные к ЛИ части Киевской летописи, по крайней мере в статьях 1130-х, начала 1140-х — первой половины 1150-х, не были придуманы и дописаны сводчиком в конце XII века исходя из политических соображений, а опираются на поэтапные записи, сделанные вскоре после произошедших событий автором «подробного» киевского источника.

Любопытно, что единожды и в Суздальской летописи встречается более полное упоминание состава коалиции киевского князя — в эпизоде, где это было необходимо для объяснения военной стратегии, что подтверждает реальность коалиции, костяк которой составляли четыре князя: «Изяслав же ста противу ему передь Золотыми вороты с стрьемъ своимъ Вячеславомъ, и с братомъ своимъ Ростиславомъ, и с Давыдовичемъ Изяславомъ» (ПСРЛ 1: 332).

Противостояние Изяслава Мстиславича с Юрием Владимировичем, согласно «подробному» источнику, читающемуся в Киевской летописи, не выглядит столь жестким и бескомпромиссным, как в «кратком», лучше представленном в Суздальской. Так, подробно описывается послание Вячеслава, которое было отправлено при свидетельстве Изяслава и Ростислава Мстиславичей с мирным предложением Юрию Владимировичу (КЛ: 155б/в; ПСРЛ 2: 429). На этом моменте в летописи сделан смысловой акцент. В более ранних статьях содержится аналогичное предложение от Юрия Владимировича Изяславу Мстиславичу — дать сыну Юрия Андрею Переяславль (КЛ: 138в; ПСРЛ 2: 380). «Подробный» источник Киевской летописи детальнее описывает взаимодействие князей не только в лагере Изяслава, но и в лагере Юрия, в том числе и отношения с Владимиром Володаревичем, что в конце XII века тоже потеряло бы актуальность.

Итак, следуя за К. Н. Бестужевым-Рюминым, можно увидеть в статьях 1130-х, конца 1140-х и начала 1150-х годов Киевской летописи, наименее подверженных редакторскому сглаживанию, следы двух источников — «краткого», отразившегося

также в Суздальской летописи и обозначенного Т. Л. Вилкул как «ЛИ», и уникального для Киевской летописи «подробного». Оба велись на протяжении XII века в географически и политически близких киевских летописных центрах. О том, что источник, общий для Киевской и Суздальской летописей, был существенно переработан и пополнен в Переяславле, подробно писали А. Н. Насонов и Т. В. Гимон [Насонов 1969: 80–99, Гимон 2022]. А. Н. Насонов отмечал, что известия ЛИ в основе своей киевские: «киевский источник попал в Лаврентьевскую летопись в составе свода Переяславля-Южного» [Насонов 1969: 97], Т. В. Гимон определяет ранние записи общего источника (по первую половину 1140-х гг. включительно) как переяславские [Гимон 2022: 153–161]. Дополнительные блоки Киевской летописи, с точки зрения исследователя, не являются переяславскими. Однако многие известия Киевской летописи в целом (как ЛИ, так и уникальных записей летописи), особенно со второй половины 1140-х, имеют явно выраженный киевский характер, а переяславская специфика, несмотря на вовлеченность Переяславской земли в указанные политические действия, проявляется в рассмотренных выше сообщениях 1130-х, второй половины 1140-х — первой половины 1150-х не столь выпукло, что все же свидетельствует о киевском происхождении записей и ЛИ, и дополнительных блоков памятника в указанный период.

Повторы Киевской летописи не могут быть объяснены расширением или редактированием одного протографа, а также сочетанием известий одного и того же источника, попавшего в Киевский свод различными путями (через ЛИ и напрямую), так как содержат существенные различия в деталях, которые отвечают разному видению одних и тех же ситуаций. Сами исторические реалии при этом описаны весьма близко, например, отъезд польских союзников Изяслава, передвижения военных отрядов перед битвой на реке Руте и др. Один и тот же информант вряд ли мог рассказать о событиях, столь часто сбиваясь и начиная заново по-иному, — скорее мы видим соединение двух рассказов независимых информантов-участников. Ведение основной киевской летописи, то есть «подробного источника», не вошедшего в Суздальскую летопись, по-видимому, происходило в Киево-Печерском монастыре, так как представители именно этого монастыря участвовали в крестоцелованиях князей и были заинтересованы в накоплении дипломатического опыта. О том, что длинные речи и дипломатические особенности зафиксированы во время игуменства Феодосия II, лично принимавшего крестное целование князю Изяславу Мстиславичу от Изяслава и Владимира Давыдовичей и других князей, писал Т. В. Гимон [Гимон 2018: 67]. Учитывая характер «краткого» источника, близкий Новгородской Первой летописи, можно предположить, что местом его написания был Софийский собор (соответственно, это была митрополичья летопись), по крайней мере в интересующий нас период фиксации событий 1130-х, а особенно конца 1140-х — начала 1150-х, хотя прямых оснований для такой локализации привести не удастся. Автор свода конца XII века использовал оба источника, но объемную информацию из «подробного» «нанизывал» на «краткую» основу, как показала Т. Л. Вилкул [Вилкул 2005; 2019: 265]. С этим связаны и дублирующиеся известия в Киевской летописи, и специфика сохранности общих с Суздальской летописью

эпизодов. Текст «подробного» источника Киевской летописи внимателен к хронологическим маркерам, дипломатическим тонкостям, в деталях рассказывает о взаимодействии внутри коалиций князей, приводит договоры, клятвы, действия медиаторов. «Краткий» текст подает информацию значительно более сжато, основной упор сделан на динамическое развитие конфликтов, перечни произошедшего, результаты битв, политических действий. Главное для автора «краткого» источника при описании политических событий — *результат*, для пространного — *особенности процессов*. Обе традиции, очевидно, влияли друг на друга, что изменило и характер Киевской летописи за вторую половину XII века, где события изложены более развернуто по сравнению с «кратким» источником, с расширениями и «речами», близкими к «подробному», но все же не достигнут максимум объема статей 6654 (1146) — (6662) 1154 годов. Повествование «подробного» источника Киевской летописи цельное, авторы обладали широкими познаниями в географии и истории Руси XII века, при этом понимали летописный жанр глубоко специфично, например, считали возможными включение в хронологический рассказ отдельных «речей» «сказаний», отступлений и обширных экскурсов в историю княжеских отношений.

Источники и словари

КЛ — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017. 815 с.

ПСРЛ 2 — Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 285–715;

ПСРЛ 1 — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 287–540.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. I–XIII. М., 1988–2023–.

Литература

Аристов В. Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*, 2011. Вып. 10. С. 117–136.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб.: тип. А. Граншеля, 1868. 378 с.

Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*, 2005, vol. 13/1, pp. 21–80.

Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. 405 с.

Вилкул Т. Л. «Страна/страна»: словоупотребление и географические представления летописцев XI–XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год. Пространство и время в средневековых текстах. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 115–134.

Вилкул Т. Л. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М.: Квадрига, 2019. 462 с.

Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 42–47.

Гимон Т. В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2018. С. 64–71.

Гимон Т. В., Тишин В. В. Тюркская формула приветствия в древнерусской летописи (посольство половцев к Святославу Ольговичу в 1147 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. С. 267–296.

Гимон Т. В. Летописание Переяславля-Южного в 1110-х — первой половине 1140-х гг. [Электронный ресурс] // Graphosphaera: письмо и письменные практики. М., 2022. Т. 2, № 2. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-2-146-164> (дата обращения: 14.08.2024).

Гимон Т. В. Разделение Ростовской епархии в начале XIII века и летописание. Древнейшие государства Восточной Европы 2023 г. М.: ИВИ РАН. 2024. (В печати).

Гиппиус А. А. Два отчества посадника Мирошки // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 430–434.

Костомарова К. П. Виды прямой речи в Киевской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 2 (100). С. 85–100.

Лавренченко М. Л. «Речи» Киевской летописи XII века (источниковедческое исследование): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.5 Институт всеобщей истории РАН. Москва, 2021. 201 с.

Лавренченко М. Л. О работе автора Киевской летописи [Электронный ресурс] // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2022. Т. 13, вып. 5 (115) URL: <https://history.jes.su/s207987840021287-4-1/> (дата обращения: 08.11.2025)

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л.: Издательство АН СССР, 1947. 479 с.

Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // Ruthenica. 2011. Вып. 10. С. 137–146.

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М.: «Наука», 1969. 556 с.

Приселков М. Д. История русского летописания. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 361 с.

Ставиский В. И. Рец. на кн.: «Юрьева И. С. Общий текст Суздальской и Киевской летописей. М., 2022. 208 с.» // Ruthenica, 2025, vol. XVIII, pp. 143–151.

Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.

Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев: Университетская типография, 1878. 212 с.

Юрьева И. С. К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Институт русского языка РАН, 2021. Вып. 1: Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. С. 305–331.

Юрьева И. С. Общий текст Суздальской и Киевской летописей. М.: Институт русского языка, 2022. 208 с.

Guimon T. V. What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // Collegium: Studies Across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Helsinki, 2015, vol. 17, pp. 92–117.

Guimon T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 — c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021.

Maria L. Lavrenchenko

National Research University Higher School of Economics

(Moscow, Russia)

marialavrenchenko@gmail.com

TWO SOURCES OF THE KYIVAN CHRONICLE

The article delves into narrative strategies used in the Kyivan Chronicle (as preserved in the Hypatian codex and other codices akin to it), in the entries under the years 1130s and the period from the second half of the 1140s to the beginning of the 1150s. This chronicle contains parallel episodes, recorded by different scribes who, at least till the end of the 1150s, were very close in their geographical and political orientation, but placed different accents in their description of the events. For example, in the entry under the year 6657 (1149), the departure of Izyaslav's allies is recounted twice, and each time the narrator explains the reasons for the departure. While in the Kyivan Chronicle two versions often appear side by side, the Suzdalian Chronicle presents only one of them. The relationship between parts of the text common to the Suzdalian and Kyivan Chronicles, on the one hand, and the unique layers of the Kyivan Chronicle, on the other hand, has long been the subject of scholarly discussion, in which the origin of the latter version was interpreted in a variety of ways (Belov, Bestuzhev-Ryumin, Nasonov, Vilkul, Yuryeva). The article attempts to show that, although the two sources differ in details, for example, in the composition of political coalitions or explanation of certain events (most cases are noted by T. Vilkul and I. Yuryeva), this difference is never fundamental, the versions do not contradict each other in general. This indicates that the compiler of the late

12th century, who formed the text of the Kyivan Chronicle, had at his disposal records from two sources that were progressively written in the south of Rus' in the 12th century. Following K. Bestuzhev-Ryumin, they are designated as “brief” and “detailed”.

Keywords: Kyivan Chronicle, Hypatian Chronicle, writing practices, monastery chronicles, Old Rus' Chronicles.

References

Aristov V. Yu. Problemy proiskhozhdeniya soobshcheniy Kiyevskoy letopisi // *Ruthenica*. Kyiv, 2011, vol. 10, pp. 117–136.

Franchuk V. Yu. *Kiyevskaya letopis'. Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii*. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1986. 184 p.

Gippius A. A. Dva otchestva posadnika Miroshki. *Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statey k 70-letiyu T. M. Nikolayevoy*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, pp. 430–434.

Guimon T. V. What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // *Collegium: Studies Across Disciplines in the Humanities and Social Sciences*. Helsinki, 2015, vol. 17, pp. 92–117.

Guimon T. V. *K voprosu o knyazheskikh poslaniyakh v Kiyevskom svode (XII v)*. Vostochnaya Yevropa v Drevnosti i Srednevekov'ye. XXX Yubileinye Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto. Moscow, Institute of World History, RAS Press, 2018, pp. 64–71.

Guimon T. V., Tishin V. V. Tyurkskaya formula privetstviya v drevnerusskoy letopisi (posol'stvo polovtsev k Svyatoslavu Ol'govichu v 1147 g.) // *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy, 2019–2020 gody: Diplomaticheskiye praktiki antichnosti i srednevekov'ya*. Moscow, Dmitry Pozharsky University Press, 2020, pp. 267–296.

Guimon T. V. *Historical Writing of Early Rus (c. 1000—c. 1400) in a Comparative Perspective*. Boston, 2021.

Guimon T. V. *Razdeleniye Rostovskoy yeparkhii v nachale XIII veka i letopisaniye* // *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy 2023 g*. Moscow, 2024. (*in print*).

Guimon T. V. Letopisaniye Pereyaslavlya-Yuzhnogo v 1110-h — pervoy polovine 1140-h gg. [Electronic resource] // *Graphosphaera: pis'mo i pis'mennyye praktiki*. Moscow, 2022. T. 2, No. 2. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-2-146-164> (access date: 08.14.2024).

Kostomarova K. P. Vidy pryamoy rechi v Kiyevskoy letopisi. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki*, 2025., no. 2 (100), pp. 85–100.

Khrushchov I. P. *O drevnerusskikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh XI–XII stoletiy*. Kyjiv, Universitetskaya tipografiya Publ., 1878. 212 p.

Lavrenchenko M. L. «Rechi» Kiyevskoy letopisi XII veka (istochnikovedcheskoye issledovaniye). Dr. hist. sci. diss. / Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2021.

Lavrenchenko M. L. O rabote avtora Kiyevskoy letopisi [Electronic resource] // *Istoriya: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. 2022. Vol. 13, no. 5 (115) URL: <https://history.jes.su/s207987840021287-4-1/> (access date: 09.11.1025). 201 p.

Mushar F. Mezhdru bratom i synom: ob obraze Rostislava Mstislavicha v Kiyevskoy letopisi. *Ruthenica*, 2011, vol. 10, pp. 137–146.

Nasonov A. N. *Istoriya russkikh letopisey XI — nachala XVIII vekov*. Moscow, Nauka Publ., 1969. 556 p.

Rybakov B. A. *Drevnyaya Rus'. Skazaniya, byliny, letopisi*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963, 361 p.

Staviskiy V. I. Rev.: «Yur'yeva I. S. Obshchiy tekst Suzdal'skoy i Kiyevskoy letopisey. M. 2022. 208 s.» / *Rutenica*, 2025, vol. XVIII, pp. 143–151.

Vilkul T. L. O proiskhozhdenii obshchego teksta Ipat'yevskoy i Lavrent'yevskoy letopisi za XII v. (predvaritel'nyye zametki) // *Palaeoslavica*, 2005, vol. 13/1. P. 21–80.

Vilkul T. L. *Lyudi i knyaz' v drevnerusskikh letopisyakh serediny XI–XIII vv*. Moscow, Quadriga Publ., 2009. 405 p.

Vilkul T. L. «Storona/strana»: slovopotrebleniye i geograficheskoye predstavleniye letopistsev XI–XIII vv. // *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Yevropy, 2006 god: Prostranstvo i vremya v srednevekovykh tekstakh*. Moscow, Dmitry Pozharsky University Press, 2010, pp. 115–134.

Vilkul T. L. *Letopis' i khronograf. Tekstologiya domongol'skogo kiyevskogo letopisaniya*. Moscow, Quadriga Publ., 2019. 462 p.

Yuryeva I. S. K opredeleniyu tekstologicheskikh granits vnutri Kiyevskoy letopisi: nekotoryye grammaticheskiye i leksicheskiye dannyye // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institut, 2021. Issue. no. 1: *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. P. 305–331.

Yuryeva I. S. *Obshchiy tekst Suzdal'skoy i Kiyevskoy letopisey*. M., V. V. Vinogradov Russian Language Institut, 2022. 208 p.